

Нонконформизм в лицах

Коллекция Бар-Гера снова в Москве

С детства нас учили, что дважды в одну воронку снаряды не падают. По крайней мере, в течение краткого срока. Пять лет назад в Третьяковской галерее супруги Бар-Гера показали выставку своей коллекции. Все специалисты по русскому искусству XX века безоговорочно признали: собрание наивысшего качества. Музейное. Лучше, чем в самой Третьяковке, — по этому поводу, разумеется. Никто не верил, что эти сокровища снова удасться лицезреть в московских музейных стенах. Но вот вопреки всем прогнозам коллекция опять в столице, на этот раз в Музее современного искусства. И это перед тем как соесть в созданном немецкой парой коллекционеров Музее гонимого искусства и исследовательском центре в г. Раана (Израиль). Современность, которая стала фактом истории. Продолжая при этом оставаться современной.

Якоб и Кенда Бар-Гера. Он — историк, она — искусствовед. Сам процесс собирания ими русских, тогда подпольных, никому в целом мире неведомых художников — из тех благодатных и необъяснимых событий, которые культурное пространство, иррациональное на самом деле, и создают. Как бы их ни объяснять: общением ли с Гмуржинской, известной галерейской и специалистом по русскому авангарду, происхождением ли супругов из российских и смежных земель. В итоге мы получили цельный пласт истории русской культуры, выхваченный Бар-Герой из кошмара советской действительности и трепетно береженный ими на германской земле. Благодаря именно таким немногим, как Бар-Гера, от этого "другого искусства" вообще остался явный материальный след. Подумать только, почти все вещи были отобраны и приобретены ими тридцать, а то и

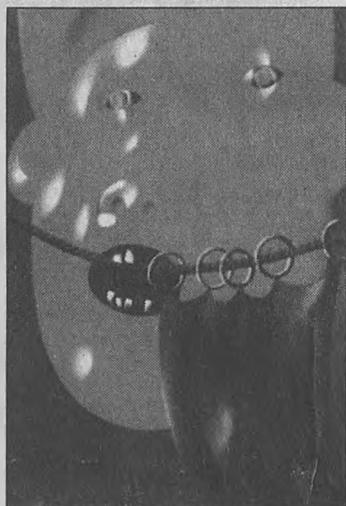
тыю подтвердило выбор Бар-Гера: в тех же залах на Крымском Валу, где тогда были показаны "лианозовцы", ныне их работы украшают уже постоянную экспозицию музея.

Отличие текущей выставки принципиальное. Совпадает почти полностью только название. Повторяться же по сути, конечно, не имело смысла. Поэтому возникла концепция совершенно иная, реализованная при помощи Музейно-выставочного центра РОСИЗО и Самарского музея изобразительных искусств: небольшое количество произведений, около сорока, оптимальных как по качеству, так и по характерности их для представления художника (по одному от каждого), оказалось погружено в целое море фотографий, этих наиболее беспристрастных свидетелей эпохи. "Текст" искусства "шестидесятников" впервые в столь открытом, лобовом виде схлестнулся с контекстом. Произведения в некоторых залах развешены плотно, в несколько рядов, и как будто чуть хаотично, имитируя тем самым повеску на квартирных выставках 70-х, фотографии с которых экспонируются рядом с подлинниками. И если на выставке пятилетней давности "знаковые" фотопортреты работы Анатолия Брусиловского носили в большей степени мемориальный характер, создавая в холле при входе на экспозицию этакую "доску почета" тех, кто этим почетом в свое время был обделен, то здесь во всей "фотографической массе" эпоха прямо-таки бурлит, оборачивается самыми разными гранями.

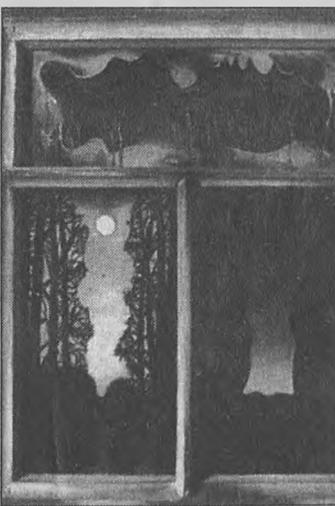
Недавно на открытии выставки Николая Вечтомова единственной представленной там фотографии — обычного группового портрета художников на одном из вернисажей памятного Горкома графиков — довелось услышать бормотание одно-

го "Движение". Ню Васьки Ситникова — и повсюду в залах на фото он сам, артист среди художников, чей яркий акционизм и донесли до нас лишь фотографии да многочисленные устные полулегенды. "Цветы" Володи Яковлева — жемчужины коллекции Бар-Гера, но как разделить их с остановленной затвором фотоаппарата реальностью самого художника, почти слепого, столь раннего, но душевно открытого жестокому миру? И неважно, что Гриша Брускин, Эрик Булатов, Олег Васильев, Илья Кабаков, Иван Чуйков — ведущие современные авторы — представлены эскизами, а не мегаформатными полотнами или объектами: мастер узнаваем и в малом масштабе. Зато как хороши рожи "целковитов", упертых тупых яркорасных "сожков" с полотном Олега Целкова — да по соседству с такими же физиономиями верховных советских чиновников во главе с самим Никитой Хрущевым, поносящих Манежную выставку нонконформистов 1962 года последними словами. Вообще все определяющие вехи художественной истории того времени выявлены благодаря фотографии на этой выставке превосходно: Манеж, "Бульдозерная", "Измайловская", павильон "Тчеловодство" на ВДНХ, Малая Грузинская...

Отныне как о полноценных "соавторах" "другого искусства" необходимо говорить и о самих фотографах, создателях неопровержимой летописи искусства. Игорь Пальмин, Сергей Борисов, Лев Мелихов, Игорь Мухин — авторитетные имена в фотоискусстве. Сами художники в качестве фотофиксаторов — Леонид Борисов, тот же Брусиловский. Наконец, две стороны одной медали в едином пространстве — от духовных озарений до документов. Или от материализованных фантазий — к

О.Целков. Из цикла "Цирк". 1969 г.

И.Чуйков. "Окно № 1"

В.Сидур. "Пара". 1979 г.

почти сорок лет назад. И еще: ведь этих творцов было всего-то сорок — пятьдесят человек, унижаемых, но не сломленных, среди тысяч "членов союза".

На той выставке 1996 года, которая была первоначально развернута в Русском музее, а затем в Третьяковской галерее, акцент делался на сами произведения. Их было около сотни. И наплевать было на какие-то лакуны и недостающие имена, в особенности концептуальные: то, что висело, убеждало, безусловно, что у русского пластического искусства последних пяти десятилетий был свой узнаваемый и достойный путь, традиция. Время с точно-

го "актуального" искусствоведа: мол, только это фото и заслуживает внимания из всей выставки. Удивился: ведь этот отпечаток и интересует нас именно из-за искусства художников, на нем запечатленных. Многого бы он стоил, будь на нем зафиксированы ничем не примечательные люди! В Музее современного искусства благодать для подобных "проверок" искусства на выдержанное десятилетиями качество. Вот в центре зала, словно стержень экспозиции, кинетическая "Спираль" — ранний "шедевр" Франциско Инфанте. А вот и он сам, молодой, устремленный к реализации самых невероятных проектов груп-

поздателей "второго русского авангарда". Тоже термин Бар-Гера, по поводу которого столько копий сломали искусствоведы. Пусть второй. Под луной, как известно, ничто не ново. Бесспорно, что авангард. И пока не очень отчетливо видно, кто же из молодых впереди них. А что до "первого", так ведь и "Черный квадрат" за триста лет до Малевича изобразил один французский ученый-эзотерик. Но только на фотографии рядом с "Квадратом" стоит именно Малевич. Что принципиально меняет дело.

Сергей ПОПОВ